

Альберт Громов
Любовь и уважение

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Громов А.

Любовь и уважение / А. Громов — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Данное произведение является дополнением к рассказу "Барская жизнь", "Жена помещика Третюхина". Оно написано от первого лица в форме воспоминаний прошлой жизни. Главы рассказа повествуют о творческой жизни некоего писателя «А» и влиянии на его творчество отдельных людей, увлекших писателя личными качествами и образом жизни. Действия рассказа происходят не только в России, но и в других европейских странах, определенно относятся к периоду второй половины девятнадцатого века. Рассказ построен на хронике воспоминаний писателя о путешествиях по разным странам, поиска героев и их жизни для будущих книг. Те, с кем встречается писатель, оказывают существенное влияние на его творческую жизнь.

Содержание

Роли исполняют:	5
1. Пролог	7
2. Фант	8
3. Любовь и унижение	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Роли исполняют:

Я – писатель «А», от первого лица которого написан весь рассказ.

Антон Корнеевич Саблин или Антонио – владелец кофейни на бульваре, добродушный человек.

Актеры театра, городской бомонд, мелкая буржуазия – посетители кофейни Антонио.

Густав – психотерапевт из Карловых Вар, Чехия.

Милена – художник-оформитель книг писателя «А».

Анна Ивановна Ракина – младшая дочь Ивана Владимировича Ракина.

Анастасия Ивановна Ракина – старшая дочь Ивана Владимировича Ракина.

Андрей Васильевич Саблев – муж Анастасии Ивановны Ракиной.

Саша, Петр, Савва – дети Анастасии Ивановны и Андрея Васильевича.

Иван Владимирович Ракин – отец Анны и Анастасии, муж Елизаветы Петровны Ракиной.

Елизавета Петровна Ракина – жена Ивана Владимировича Ракина.

Родион Тимофеевич Ракин – племянник Ивана Васильевича Ракина, офицер российской армии.

Людмила Егоровна Такова – мать Елизаветы Петровны Ракиной, опытная пожилая женщина.

Рабочие и рыбаки в порту Мемеля, простые люди с прибалтийскими диалектами.

Общество простых портовых рабочих Кенигсберга, которых невозможно переписать.

Капитан и рыбаки «Angelkahn», с которыми писатель «А» выходил в Балтийское море.

Скандинавские кочевники, с которыми писатель «А» прибыл в Стокгольм, Швеция.

Ганс – торговец копченой рыбы на рынке Стокгольма.

Ельмаренский Петр Петрович – редактор типографии в Стокгольме.

Почтовые работники Стокгольма.

Официанты, повара из ресторана «Босфор» в Москве.

Дмитрий Алексеевич Гуров – Димон, любовник Анны Ивановны, чтец рассказов.

Иван Протопопов – писатель-беллетрист.

Роман Даерский – писатель любовных романов.

Алексей Корякин – газетный журналист, писатель рассказов о жизни знаменитостей.

Поэты, писатели, художники, скульпторы и другие творческие натуры из ресторана «Босфор».

Ананьин Павел Витальевич – помещик из Ярославской губернии.

Капитан и команда матросов парохода «Pillnitz».

Пассажиры парохода «Pillnitz» – многонациональная веселая публика.

Гид парохода «Pillnitz», рассказывающий в пути о городах Германии.

Кнауф – семидесятилетний бургер с парохода «Pillnitz».

Йозеф – хозяин кафе в Ризе.

Официант кафе в Магдебурге.

Группа туристов с которыми писатель «А» посетил памятники Магдебурга.

Херман Зак – порттье отеля «Sonnenplatz» в Гамбурге.

Обувщик мастерской в Гамбурге.

Шарль Морис Шварценбергер – директор театра Талиа в Гамбурге.

Фрау Моника – очень внимательный администратор театра Талии.

Тилл – девушка-костюмер из театра Талии.

Труппа актеров из театра Талии.

Обслуживающий персонал театра Талии.

Официант буфета в театре Талии, просто женщина.

Женщина, двое мужчин – зрители спектакля в театре Талии.
Официанты ресторана Wasserschloss Speicherstadt в Гамбурге.
Ставринский Федор Никанорович – семейный врач Раковых.
Василий и Пелагея и их сыновья – муж, жена и их дети, хозяева частного подворья в Ялте.
Рустик – Ялтинский почтмейстер, молодой да ранний работник почты.
Наталья Витальевна – дочь Анны Ивановны Ракиной и Павла Витальевича Ананьина.

1. Пролог

Данное произведение является дополнением к рассказу «Барская жизнь». Оно написано от первого лица в форме воспоминаний прошлой жизни. Главы рассказа повествуют о творческой жизни некоего писателя «А» и влиянии на его творчество отдельных людей, увлекших писателя личными качествами и образом жизни. Встречающаяся по тексту фамилия Ракиных является вымышленной, не имеет к истории никакого отношения и тем более к княжескому роду. События рассказа и прочие описываемые герои сюжетов также не существовали в реальной жизни никогда, к истории государства не имели никакого отношения. Действия рассказа происходят не только в России, но и в других европейских странах, определенно относятся к периоду второй половины девятнадцатого века. В рассказе удалось абстрагироваться от исторических фактов и конкретных лиц, чтобы заточить внимание читателя на вечных темах отношений между людьми. В последней главе «Барской жизни» автор недостаточно раскрыл характер любовницы и будущей супруги Ананьина Павла Витальевича – ярославского помещика, а только описал момент встречи и сжатое описание их дальнейшей жизни, поэтому понять причины, почему Анна Ивановна согласилась стать женой помещика, что ее заинтересовало в молодом барине осталось загадкой. В качестве описания Анны Ивановны взят собирательный образ светской дамы, соответствующий понятиям периода второй половины девятнадцатого века. Рассказ построен на хронике воспоминаний писателя о путешествиях по разным странам, в разных компаниях, где главной целью является поиск героев и особенностей их жизни для будущих книг. Те, с кем встречается писатель по жизни, оказывают существенное влияние на его творческое настроение. Неизгладимые воспоминания увлекательных бесед в компании Анны Ивановны пробуждают в писателе чувства любви и уважения к семье Раковых. В рассказе присутствуют личные рассуждения писателя «А», которые можно легко отнести не только к прошлому периоду истории, но и вполне применить к настоящему времени. Эти художественные вставки позволяют раскрыть характер главного героя рассказа, и позволит читателю обнаружить подобные ощущения в себе.

2.Фант

По своему обыкновению я вышел рано утром на бульвар с вчерашней новостной газетой «Вестник города» в руках и занял место на лавке для того, чтобы скоротать время до открытия любимейшей мне кофейни. Подобную моду я взял после прошлогоднего посещения Дрездена, где находился по велению души и поиска творческого вдохновения. Там так было заведено среди немецкой мажории и я также повелся, быстро почувствовал вкус утреннего свежесваренного кофе и эйфорию благополучия. К кофе всегда прилагался стакан ключевой воды и маленький кусочек горького шоколада на узорчатой салфетке. Свою привычку я привез в российский провинциальный городок, где у меня был родной дом и доходный дом на десять комнат в центре. Комнаты в этом доме снимали в основном гастролирующие артисты или просто гости. Так вот, привычкой пить кофе по утрам я заразил местных буржуа, особенно актеров театра, писателей-сценаристов. Сегодня, в этот ранний час на лавке я оказался первым. На часах показывало начало девятого, рассвело, апрель на дворе. Ждать оставалось недолго, где-то к половине девятого открывались двери кофейни и нас, а-ля гурманов, вежливо приглашал на утренний кофе владелец Антон Корнеевич Саблин или, как ласково называли его все на итальянский манер, Антонио. В это время завсегдатаев собиралось от пяти до десяти человек со всего городка, остальные тянулись до обеда группами и поодиночке. Ожидая открытия, я посидел немного, потом обмяк на спинке, перемахнул ногу на ногу и развернул газету на предпоследней странице, чтобы дочитать то, на что вчера не хватило желаний вникать. В каждой статье журналисты пытались заголовком приукрасить события до критической черты, а в тексте разъясняли суть событий в выгодной форме заказчику статьи. Опыт жизни и постоянное общение в разных кругах научили меня отличать правду от лжи, читать смысл между строк, понимать назначение словесного удара, догадываться, кому это было выгодно, и с какой целью. Таким образом, ежедневная тренировка ума держала меня не только в интеллектуальной напряженности, но и в ходе общественной деятельности, политики и хозяйственной деятельности. Зачитавшись увлекательной статейкой о разоблачении чиновника во взяточестве, я не заметил, как рядом со мной на скамейке очутилась молоденькая и незнакомая девица, которая сидела в явном напряжении, как говорят в народе: «Будто кол проглотила». Мне это показалось странным, но вида я не подал, только кратко взглянул ей в лицо, скорее, дабы признать былое знакомство. Но девушка оказалась мне незнакомой. Тем временем, до открытия кафе оставалось меньше четверти часа, только скучать не пришлось.

– Простите, господин, вы не сможете уделить мне внимание? – Вдруг, робко заговорила незнакомка.

«Наверно попрошайка, хочет уехать к маме за город или на лечение деньги собирает», что я мог подумать еще, но оставлять без внимания человека в беде было не в моих правилах и я, хоть и с большим запозданием, отвлекся от чтения газеты.

Я повернул голову в ее сторону, чтобы рассмотреть внимательнее источник беспокойства. На вид ей было лет так шестнадцать. Темные длинные и слегка волнистые волосы украшали довольно милое детское личико с высоким ровным лбом, открытыми для общения серыми глазами. Картину зеркала души, то есть лица, украшали ровные брови в сочетании с таким же ровным носом, небольшими алыми губами и маленькой ямочкой на овальном подбородке. Стройная фигура среднего роста, ровная, даже чуть вогнутая спина, небольшая грудь, тонкая ровная шея под красным ситцевым шарфом, все это говорило о хорошем здоровье и сдержанности в пище, а также жертвование удовольствиями в обмен на просвещение, культуру и увлечение естественной жизнью. На лице девушки виднелся естественный ярко-розовый румянец, указывающий на слабость к проявлениям совести, повышенную стыдливость, а также на необузданную страсть под девятью воротами внутренних запретов. При кратком взгляде на ее

руки и тонкие длинные пальцы, увиденное меня окончательно убедило и расположило к общению, что я имею дело с личностью аристократического происхождения и высокого интеллекта, человеком женского рода, который не причинит вреда окружающему миру без особых на то причин. По одежде можно было смело судить о безбедной жизни иждивенки, родительской любви. Бежевое оборчатое платье осенне-весеннего стиля казалось не из дешевых, на плечах лежала шерстяная накидка. Видно, вся одежда сшита четко по размеру, что еще раз указывало на состоятельность владелицы. Несмотря на прохладное утро ей, как впрочем, в таком возрасте это понятно, сердце било жар в голову, а голова согревала вены. Не в пример моей шерстяной кепи с опущенными меховыми ушками, у нее на затылке головы была соломенная шляпка. Шляпку украшали скрученные матерчатые цветочки и цветные ленточки, завязанные под подбородком бантиком. Глядя на ее прическу я подумал, что ей не будет холодно даже в более холодную погоду, но представить более тяжелого головного убора на этой молоденькой головке не получалось. После краткого осмотра соседки по лавочке и составления характеристического портрета для читателя я очнулся от задумчивости и открылся для общения.

– М-да, вы уже в моем внимании. Что вам угодно? – Сказал я так, словно был всегда циником, что даже удивился своему хамству.

– У меня болит нога, мне кажется, я ее подвернула. Очень больно. Вы не могли бы мне развязать шнурок на сапоге? Только не подумайте ничего дурного, я из порядочной семьи и мне не надо денег. – Оправдывалась девушка.

– Как же вы так умудрились? Аккуратнее надо быть. – Нехотя я согласился помочь. – Ну, что ж, давайте посмотрим.

Не будучи снобом и не стыдясь совершить унижительный поступок и тем более быть высмеянным, я развернул газету и бросил ее на тротуар под ноги, а потом, опершись, встал на нее коленями. В моей власти оказалась уникально тонкая голень, практически невесомая, теплая, покрытая тонкой узорчатой материей шелкового чулка. Шнуровку полусапожек развязать не составило большого труда, труднее было снять сапожок с больной ноги, но девушка молча терпела. Это показалось немного странно, уж не розыгрыш ли это какой-нибудь, ведь если человеку больно, то это трудно сдержать, по крайней мере, у меня именно так бывает. Да и вообще, встать на колени перед незнакомой девушкой, словно я влюбленный дурак, который просит ее руки и сердца. Пока я снимал обувь, в моей голове разыгралось воображение с несколькими вариантами исхода событий. Девушка могла меня унижить, позвать на помощь полицейского, громко объявить всем о моем невыполненном обещании, признать меня гулящим отцом. Но ничего подобного не произошло. Не подавая виду на разгар гражданской войны в моей голове, я решил сыграть в эту игру по-взрослому, то есть до конца, только по своим правилам.

– Очевидно, произошло обычное растяжение, но двигаться в таком случае нельзя. Как бы вам не хотелось, я настаиваю на вызове извозчика и лично доставлю вас к вашим родителям. – Серьезно сказал я, поднимаясь с колен и выпрямляясь.

– Подождите! – Вскрикнула она. – Не надо извозчика!

– Что не так? – Подыграл я, играючи голосом. – Лучше сразу в больницу?

– Не надо к родителям! И не надо в больницу! Мне уже полегчало. Лучше, помогите мне обратно одеться, и я все объясню. Обещаю.

– Годится. Моя выгода? – Тянул я время, торгуясь.

– С меня кофе! Ароматный. Горячий. Деньги у меня есть. – Выпала девушка без сомнения.

– А по рукам! – Согласился я и принял протянутую мне руку, но только подержав ее за пальцы.

Пришлось опять опуститься на колени пред молодой особой и обуть ее. На мгновение я почувствовал себя отцом ребенка, хотя у меня никогда не было детей, и не был женат. Обрат-

ный процесс прошел быстрее, пришлось только повозиться со шнурками, но все получилось. Не успел я подняться, как девушка сразу вскочила на ноги. Я тоже неспеша поднялся, опершись на правое колено и, наконец, рассмотрел ее лицо внимательно. Оно играло в эмоциях, сменяя грусть на восторг, смех на удивление. Не успел я материализовать образ в слова, как она тут же изменила ход событий.

– Спасибо, что согласились мне помочь. Честно! Я уже взрослая. Все дело в моей компании. Не подумайте плохо. Все довольно прилично. – Затараторила она.

– Стоп. Я ничего слышать не хочу. Мы сейчас идем в кафе. Смотрите, оно уже открылось, там, за столиком и поговорим. – Я уверенно прервал девичьи сомнения, взял под руку молодую особу и повел в кафе.

Девушка не стала сопротивляться и отправилась со мной. На ходу она вертела головой, все-таки озираясь внимательно по сторонам, словно ища кого-то, кто ее сопровождал на расстоянии. В кофейне я снял кепи, пальто и повесил на вешалку за стулом. Девушка не стала ничего снимать, ее устраивал уличный образ. Улыбчивый Антонио, ничего не спрашивая, лично принес нам два черных кофе в маленьких фарфоровых чашечках на блюдечках, два стакана воды и две салфетки с шоколадками. Мы поблагодарили его, а потом молча попробовали на вкус напиток, закусывая шоколадом. Девушка успокоилась в моей компании, но румянец со щек не переставал сходить, указывая на продолжающееся внутреннее стеснение. Это чувствовалось по ее беспокойному взгляду в момент дегустирования бодрящего напитка, и тогда я начал разговор первым.

– Ну-с, теперь я выслушаю вашу историю, прелестная барышня.

– Простите, это покажется странным, но я никак не хотела вас разыграть, а только выполнить фант. – Начала девушка.

– Давайте начнем с того, – я прервал ее. – Как вас зовут?

– Анна, Анна Ивановна Ракова. – Девушка открыто посмотрела на меня.

– Вы, не приходите ли дочерью князю Ракову? – Переспросил я.

– Она и есть. Эх! Обещайте ему ничего не докладывать! – В ее голосе почувствовалась нотка недоверия.

– Это уже лучше. Ничего не докладывать обещаю. Мой интерес? – Я опять торговался.

– А что вы хотите?

– Обещайте, в дальнейшем быть со мной честной. – Выдал я после минуты молчания.

– Фу! Ну, это всегда, пожалуйста! А я вообразила того хуже. – Разволновалась девушка.

– Ну, так... – Я дожидался обещания.

– Так, позвольте, как мне обращаться к вам. – Серьезно сказала Анна Ивановна.

– Меня зовут «А». – Ответил я с долей сарказма.

– Господин «А», обещаю быть с вами честно-честной. Так, наверно, устроит? – Сказала Анна, положила левую руку себе на грудь в области сердца.

– Вполне! Так, что там с фантами? – Решил я сменить тему, пока она не стала занудной.

– Всю ночь я с друзьями играла в фанты. Сначала задания были безобидные, а потом все сложнее и сложнее. И вот, когда очередь дошла до меня, то выпало задание, в котором написано было: «Поставить рыцаря на колени». Представляете, вы первый рыцарь, которого я встретила...

– И который пал перед вами, Анна Ивановна, на колени дважды. – Добавил я выразительно, но с грустью.

– Извините меня! Вы обиделись? – Сочувственно спросила она и тронула меня за рукав.

– Обиделся? Ничуть. В моем возрасте уже не обижаются.

– В каком таком возрасте? А что они делают? – Наивно спросила Анна Ивановна.

– Ничего не делают. Просто смотрят и любят. – Ответил я и улыбнулся.

– Странно. Не могу вас понять, лжете или выдумываете. – Задумалась Анна Ивановна. – Может и мне с вас взять обещание никогда мне не врать?

– А вы не думайте, просто развлекайте меня, вам опыт, а мне лекарство от скуки. – Ответил я и опять улыбнулся.

Из наводящих вопросов я узнал, что Анна Ивановна успешно проходит общий курс обучения в академии. В помощь отцу занимается благотворительной фондовой деятельностью. Хотела бы много путешествовать по Миру, но была только в одной Франции и жила в Париже у родственников три месяца. Из еды предпочитает мясные блюда растительной еде. Любит быть в центре событий. Кроме нее в семье Раковых есть еще старшая сестра и взрослые братья, которые состоялись в обществе самостоятельной жизнью. Она любит свою бабушку Людмилу Егоровну больше, чем мать и еще все такое, что не заслужило моего внимания, так как не может заинтересовать читателя.

– Простите. Ваша очередь рассказывать. А, чем вы занимаетесь? – Наконец спросила Анна Ивановна.

– Пишу рассказы, я писатель. Правда, пока малоизвестный. Как бы ни печально это говорить, но истинная слава приходит после смерти, мне же до нее далеко. Много путешествую с места на место, так сказать, борюсь с привычками. У меня нет жены и детей, я абсолютно один и холост. В этом городе у меня есть доходный дом на Власьевской, там нынче проживают мои родные и я.

– Как же это у вас семьи нет. Как же вы живете? – Спросила Анна Ивановна.

– Семья есть – это моя родня, нет привязанностей, нет привычек, я открыт для жизни. Все то, что вы имеете ввиду под термином семья присутствует у героев моих рассказов. Они живут моей жизнью, каждый многократно проживает ее в разных рассказах по-разному. Иногда, даже так, что и я сам не смог бы такое пережить, лишь только в исключительном случае. Это непросто объяснить человеку, который мало жил на этом свете, мало страдал за любовь, кому мало выпало испытаний. Поэтому, мне постоянно надо быть в творческом поиске, а семья тянет к земле, к постоянству. Так ничего не получится.

– И что, путешествуя с места на место, вы счастливы? Не поверю. Вы наверно опять лукавите? – Спросила Анна Ивановна и допила кофе.

– Нет, не совсем так. Счастье это кратковременное чувство, возникающее, когда получается то, что делаешь. Можно сказать это минутный результат творения, приятное чувство законченности и начала нового.

– В остальное время, значит, вы несчастливы? – Продолжала тему Анна Ивановна.

– В общем, примерно, так. Это нормальное состояние неудовлетворенности, неуверенности в завтрашнем дне, которое стимулирует на творческое настроение, движение в направлении к порядку. – Закончил мысль я.

– Да, трудно вас понять, никак не проверишь, правы вы или нет. Я, вот, не пишу книг, могу только четверостишия сочинять, чуть-чуть рисую, музицирую на фортепьяно и арфе. К чему я создана на этой земле неизвестно. – Загрустила девушка.

– Не надо торопить события. Чудо произойдет тогда, когда придет время. Прозрение в своем предназначении будет трудно скрыть, спрятать. Оно ворвется в жизнь и перетянет на себя все силы, увлечет до изнеможения, а наградой будет то самое счастье. – Объясняя свою позицию, я ушел в себя и забыл про Анну Ивановну и остывший кофе.

– Хорошо бы побыстрее понять себя и свое место в жизни. – Сказала с грустью Анна.

– И что? – Я попытался дать девушке шанс высказать умную мысль.

– Ну, что, что. Не знаю, что. Мне и семью свою хочется, и реализоваться, как личность. Кем я стану после академии? Кто меня такую полюбит бестолковую? Какое оно будущее?

– Будущее уже наступило, особенно для тех, кто рожден в прошлом. Что вам еще не хватает? У вас все есть для личной реализации. Вам даже не надо искать пищу, не надо работать,

надо только пробовать себя везде и во всем. – Последнюю фразу произнес я слишком серьезно, как-то по-отцовски, переходя грань дозволенного для первого знакомства, о чем пожалел.

– Так не честно! Вам, такому опытному, легко говорить, ваши сомнения позади. К тому же своими фразами каждый раз ставите жирную точку в нашем разговоре. А еще я чувствую себя, как бездарная актриса на сцене. Простите, мне уже пора идти. Приятно было познакомиться, господин «А». – Анна Ивановна встала и направилась к выходу.

– А кофе? – Я остановил собеседницу, напомнив о долге. – За вами должок.

Анна Ивановна вернулась к столу с виноватым видом, потом расстегнула свою дамскую сумочку и вынула кошелек. По всему виду наблюдалась суета и неуверенность в ее действиях, было заметно, что она давно не платила за себя, поэтому положила на стол сумму больше, чем требовалось. Я промолчал и встал. Мне не хотелось портить эту выходку, и я сказал:

– Доброго дня и до встречи. Мне было приятно с вами Анна Ивановна.

– До свидания! – Ответила Анна серьезно, потом задумалась и, ничего не сказав больше, вышла из кафе.

Оставшись за столиком один, я стал искать в случайном знакомстве положительные стороны, вспоминать спонтанные мысли, эмоциональные краски, словесные обороты, пришедшие в мою голову и кратко записывать их в рабочую тетрадь. Мне было приятно познакомиться с девушкой, разглядеть в ней ум и хитрость, почувствовать себя молодым человеком, способным на равносильный диалог и, может быть даже на ухаживание. Понятно, что огромная разность в возрасте не оставляет мне никаких шансов на любовные приключения, потому что всегда найдется молодой и глупый щенок, который возьмет девичье сердце и, испугавшись, бросит его, когда столкнется с первыми трудностями жизни. Я же, никогда не бывший женатым, бездетный, не имеющий опыта повседневного совместного ведения быта в семье, оставался в душе все тем еще молодым парнем, хотя снаружи казался поседевшим степным луном. Теперь жизнь мне казалась не такой бездонной, как в молодости. Я осознал свои возможности, их для проявления своего потенциала стало предостаточно. Наряду с прочим было к чему еще стремиться. К чему угодно, но кроме семейной жизни. Это не мое время. Меня всегда интересовал мир человеческих судеб. С возрастом стал замечать на улице больше молодых и привлекательных людей, а в особенности женского пола. Интересные мужчины тоже не остаются без внимания, для них уготавливается своя сюжетная тропа. Складывается ощущение, будто цех по производству молодежи стал работать с удвоенной силой, выталкивая их наружу пачками в разном возрастном исполнении. Иначе, откуда бы молодежи стало так много. Мне всегда казалось и до сих пор кажется, что девушки всегда остаются молодыми, а я заморозился во времени и просто существую в четвертом измерении. Раньше все казались взрослыми, солидными, такими заматерелыми, прожившими на свете длинную и трудную жизнь. В общении с ними чувствовал себя неопытным фантазером, которому не суждено попасть в подобные трудности по причине не то личной уникальности, то ли излишней наивной простоте. Сам понимал, что не было у меня серьезных проблем, потому что у меня отсутствовали денежные запасы, не было материальных ценных вещей, семьи, работы, в общем, ничего того, что привязывает стандартного человека к земной жизни. Ничего подобного не было, это было благо для меня, это было моим недостатком. Поэтому я мог свободно балансировать между слоями общества, давать умные советы, решать чужие проблемы на раз, осуждать неправильные поступки, ставить себя в пример окружающим. Старшие слушали меня, кивали головой в знак согласия, но ничего не делали в своей жизни, чтобы решить проблемы, просто дрейфовали по течению времени, иногда подгребая руками для мнимого осознания участия в течения времени. Сверстники и сверстницы необремененные материальными заботами казались такими же беззаботными мотыльками, как я. Только тогда, когда кто-нибудь образовывал семейную жизнь, или устраивался на работу, то сразу становился на несколько шагов старше и опытнее, самостоя-

тельнее. Они вызвали уважение у меня и отсутствие интереса, так как им нечего было советовать, они сами неплохо справлялись и могли давать советы.

3. Любовь и унижение

В имение Ракиных я был приглашен не случайно. Визит был согласован и назначен заранее за две недели, чему я был очень рад, так как о Ракиных много слышал хорошего, в частности знал Анну Ивановну лично. Случилось со мной такое незабываемое событие по осени, точнее в начале октября. Накануне была опубликована моя новая повесть о любви и унижении, довольно нескромного, можно сказать, скандального содержания. Трудился над прозой я последние полгода в Чехии в Карловых Варах, не выбираясь в свет, ведя почти закрытый образ жизни. После тщательного редактирования с помощью моего местного психотерапевта Густова, тщательной проверки на ошибки и опечатки, повесть была издана в твердой яркой обложке в Австрии тиражом десять тысяч экземпляров. Над картинками поработала славная, но малоизвестная художница, сумевшая расшифровать мои ментальные образы и изобразить их на бумаге. Я так признателен тебе, Милена! О книге много писали в газетах такого, что однозначный вывод сделать не представлялось возможным обычному читателю. Даже опытные эксперты не доходили в своей практике до той черты, которую я нарушил и перешел далеко за ее предел. Читая статьи недалеких журналистов, которые пытались скакать по верхам и делать выводы, я чувствовал нарастающую интригу вокруг моей книги, в тайне радовался и страдал от повышенного внимания ко мне и моей личной жизни. Тут я бы хотел признаться в слабости, когда писатель пишет книгу, то он временно уходит из общества, сосредоточивается на собственном воображении и литературно-художественном оформлении. Книга не горячий хлеб, на нее уходят месяцы, годы. За это время писатель становится одиноким, одичалым человеком, а после издания на него сваливается буря популярности и пристальное внимание. Поверьте, все хорошо до тех пор, пока это не случится с вами лично. Я боролся со своей застенчивостью, вытаскивал себя из душной комнаты в шумные бары, встречался с друзьями и как можно больше общался. Так, не успев еще привыкнуть к славе, меня стали приглашать в дома для непринужденных дискуссий, обсуждений чужих проблем и бесконечной полемики.

Итак, во второй половине дня в загородный дом меня привезли в карете, личной собственности Раковых. Простым домом назвать княжеское имение назвать язык не поворачивался. Огромная территория, окруженная кирпичным забором с коваными решетками, сохраняла покой искусственного пруда, беседок под вековыми липами, цветника в форме лабиринта и трехэтажного каменного здания с четырьмя квадратными колоннами на входе. В цветнике был установлен фонтан, а также мне удалось разглядеть повсюду белокаменные скульптуры и барельефы из греческого эпоса. Так, в сопровождении двух слуг меня провели в дом. В фойе я быстро отдал пальто, прошел в уборную, умылся, намочил волосы, приведя их в хаотический вид, вытерся насухо полотенцем и присел десять раз для поднятия давления. Такой вот весь сияющий от восторга, взъерошенный, дышащий полной грудью от избытка энергии я вышел к гостям под аплодисменты. Ранее я уже бывал на подобных мероприятиях, поэтому был готов к развитию сценария, который сам придумывал заранее. Неприятный опыт прошлых встреч, когда из меня клещами вытягивали ответы на вопросы что, да как, а я не знал, как себя вести, стеснялся и скромничал, смотрел на время или пытался уйти пораньше, пошел мне на пользу. Теперь я был главой положения. Это мое шоу, которое я должен провести по своему сценарию, а хозяева будут не просто зрителями, а активными участниками. Таким образом, мое выступление должно было отвлечь княжеский род Раковых от затертых домашних разговоров о пользе или вреде обыкновенного чая или посадке новых цветов на газоне. Мне предстояло разогреть фамилию и гостей до жаркого спора, ожесточенной дискуссии, вытащить из каждого участника то, что он таит в недрах своего подсознания, но боится сказать вслух. Сделать дискуссию незабываемой.

Двери раскрылись прямо передо мной. В комнате стоял громкий спор, мужчины активно переговаривались между собой о чем-то важном, а женщины пытались вставить в разговор личное мнение. При моем появлении спор утих, а ему на смену пришли аплодисменты и слова восхищения. Так меня ждала семья Раковых. Здесь были женщины и мужчины разного возраста, рассеявшиеся в разных местах, прислонившись спиной к стене, стояли слуги с салфетками в руках. Господа и дамы сидели на стульях в разных местах комнаты, кто-то присел на диване, другие в кресле у столика, что указывало на индивидуальность характеров. Иван Владимирович Ракин сидел на стуле между двумя окнами, увидев меня, замолчал первым. Он улыбнулся, встал и направился в мою сторону для рукопожатия. Неожиданно для меня, сделал он это так, будто знал меня очень давно и хорошо, хотя раньше мы никогда не встречались лично. Меня это сразу расположило к главе семейства и в целом ко всем остальным присутствующим. Затем я обошел всех в комнате женщин и мужчин для приветствия и персонального знакомства. Оказалось, что знал я только одну Анну Ивановну и то, в прошлом. Она узнала меня. Я заметил, как она повзрослела, стала еще красивее, держалась теперь гордо, величественно, как и подобает знатной особе. От той девушки, которую я знал ранее, остался узнаваемым все тот же открытый взгляд и чистый голос. Я еще раз осмотрел комнату и находящиеся в ней людей для удобного места начала своего представления. В комнате были еще одни двустворчатые двери, уходящие в другие комнаты, они находились приоткрытыми. В это время года октябрьские пасмурные дни не баловали солнечным светом, поэтому занавески на окнах спустили до половины, с противоположной стороны комнаты уже подсвечивали огнями свечей в канделябрах слуги. Они, прислонившись к стене с серьезными лицами, следили за порядком.

– Любовь и унижение – вечная тема для разговора. – Расхаживая по комнате, начал я свой рассказ, после паузы затишья. – Так, все-таки, что происходит в отношениях между мужчиной и женщиной? Одни считают, что в любви не места унижению, и не может быть никогда, в противном случае это не любовь, а ненависть. Другие не допускают мысли о непорочности в отношениях. Все мы люди и в одной и той же ситуации можем совершить множество разных поступков, которые между собой, порой, противоречат общим понятиям. Когда происходят экстремальные события, даже сам человек не может объяснить причины того, что толкнуло его на безумство. Что уж говорить о тех, кто проще воспринимает жизнь. Они не могут сопоставить эти поступки за любимым человеком и считают их проявления предательством, а то есть унижением по отношению к нему.

Анастасия Ивановна, старшая сестра Анны, женщина лет тридцати, полная и румяная, с живым взглядом сидела на гостевом диване одна, в эту минуту она находилась ближе всех ко мне. Женщина выглядела растерянно и не готова была к высказыванию своего мнения, однако, я видел ее тревожный взгляд в ту секунду, когда говорил про поведение человека в экстремальных ситуациях. Я присел рядом, чтобы втянуть ее в тему дискуссии и тем самым почувствовать расположение к себе.

– Анастасия Ивановна, в вашей семье есть дети?

– О, да, три сына. Вы разве не знали? Старшему Саше шестнадцать, среднему Петру двенадцать, младшему Савве год.

– Теперь знаю. Вы можете считать своих детей послушными? Они всегда беспрекословно исполняют вашу волю? – Продолжал я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.